

УДК 821.111

М. Н. Коннова

**«РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ» Ч. ДИККЕНСА:
АКСИОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ ПРАЗДНИКА**

Рассматриваются временные константы праздника в «Рождественской песни» Ч. Диккенса. Анализ языковых средств экспликации категории темпоральности позволяет выявить глубинные аксиологические смыслы, лежащие в основе когнитивной структуры хронотопа праздника.

The focus of this article is on the cognitive structure and means of verbalisation of the temporal and atemporal layers in Charles Dickens's depiction of Christmas in his novella «A Christmas Carol». In the complex structure of the holiday concept, past and present become intrinsically blended, Christmas time being a manifestation of eternity.

43

Ключевые слова: время, праздник, темпоральные смыслы, Ч. Диккенс, аксиология.

Key words: time, holiday, temporal system, Ch. Dickens, axiology.

Темпоральность — «противоречивое единство времени, вечности и мгновенности» [14, с. 3] — выступает сущностной характеристикой бытия и принадлежит к тем элементарным концептам, «которые не требуют каких бы то ни было объяснений, поскольку они являются для нас врожденными и интуитивно ясными» [2, с. 172].

Будучи текстообразующей категорией, темпоральность «непосредственно участвует в формировании базисных свойств текстуальности (целостности, связности, информативности, приемлемости)» [15, с. 6]. Художественное время «воспроизводит тончайшую паутину "темпоральных" переплетений в жизни человека. Эти переплетения и переживания времени можно рассмотреть как символы, за которыми скрывается огромный мир смыслов жизни героев художественных произведений. <...> Его сущность состоит в выражении ценностно-смысловой наполненности темпоральных мгновений» [8, с. 21].

Ключевое значение для структурирования темпорального пространства человеческой жизни имеют праздники — «сияющие в нашем временном мире точки вечности» [10, с. 170]. «Сам порядок времени, календарь возникают как результат повторения праздников: не только в церковном календаре, но и измеряя время вообще, мы склонны двигаться не от месяца к месяцу, а от праздника к празднику, от Рождества к Пасхе» [3, с. 310].

Праздник имеет четкую аксиологическую структуру, «в центре которой всегда событие» [13, с. 14], в нем «с наибольшей силой аккумулируется менталитет народа, его... непреходящие ценности» [11, с. 3]. Праздник — это одно из условий бытия человека наряду с повседнев-

ностью, «которая хотя и выступает главным топосом человеческого существования, но характеризуется смысловой, экзистенциальной недостаточностью и необходимостью... обращения к социокультурным образцам, фундирующим данный тип культуры» [13, с. 17].

Рождество — величайший праздник всего христианского мира. В данной статье рассматриваются временные константы Рождества Христова на примере «Рождественской песни» Ч. Диккенса («A Christmas Carol», 1843)¹.

Рождественский жанр, основоположником которого в европейской литературной традиции является Ч. Диккенс [16, с. 3], обладает необычным хронотопом: рождественская ночь предстает как особый период, когда размывается граница между реальным и чудесным, временным и вечным [17, с. 9]. Причина этого своеобразия — в предельно высоком аксиологическом содержании события, переосмысленного в литературном тексте. Чудо воплощения Бога-Слова, в Личности Которого «вечность ступает во время, время проникает в вечность» [9, с. 447], — центр человеческой истории, предопределивший все ее дальнейшее течение [20]. Входящее в название «Рождественской песни» слово *carol* («рождественский гимн») изначально уподобляет этот художественный текст славословию Богомладенца, рождающегося в этот день «нас ради человек и нашего ради спасения» (Символ веры:3).

Первым словесным знаком, который свидетельствует о перемещении повествования из реального времени в сверхъестественный хронотоп чуда, становится в «Рождественской песни» характерный для сказки зачин — обстоятельный оборот *once upon a time* («как-то раз; однажды»): «*Once upon a time*² — of all the good days in the year, on *Christmas Eve* — old Scrooge sat busy in his counting-house»³ [19].

Временная отнесенность намечается здесь темпоральным словосочетанием *Christmas Eve* («Сочельник»). Слово *Christmas* («Рождество Христово»), представляя собой сложение основ *Christ* (греч. *Χριστός* — «Спаситель») и *mass* (лат. *missa* — «литургия»), указывает на изначальный источник «инаковости» хронотопа праздника — сопричастное надвременному плану вечности праздничное богослужение. Слово *Eve* («канун») оттеняет мысль о максимальном приближении на темпорально-событийной оси к таинственному миру праздника, в котором «стираются грани времени и открывается тайна вечности» [10, с. 162]. Предваряющая хрононим *Christmas Eve* временная конструкция *of all good days in the year* («в лучший день в году» [5]) высвечивает сугубую аксиологическую насыщенность праздничной поры, ее выделенность из череды других ценностно маркированных (*good* / «добрых») дней.

¹ Будучи наиболее известным художественным образом праздника в англо-американской лингвокультуре, «Рождественская песнь» лежит в основе 22 полнометражных игровых фильмов, 25 телевизионных и 39 театральных постановок, семи мультипликационных фильмов, трех опер [18].

² Здесь и далее курсив наш. — М.К.

³ «Однажды, в лучший день в году, в Сочельник, старик Скрудж сидел в своей конторе и был очень занят» [5].

Время повседневное и время праздничное получают в «Рождественской песни» зримое, конкретное воплощение. Главный герой повести, Э. Скрудж, — это гиперболизированное олицетворение буднично-делового времени. Его ответом на праздничное приветствие — «*A merry Christmas, uncle! God save you!*»⁴ — становится десемантизированное существительное *humbug* («вздор, чепуха»), которое не только передает отношение говорящего к Рождеству, но, подобно междометию *bah!* («*Bah! said Scrooge, Humbug!*»⁵), имплицитно отражает пустоту незаполненного праздником времени.

В словах главного героя находит свою реализацию развернутый метафорический образ времени-денег: «*Out upon merry Christmas! What's Christmas time to you but a time for paying bills without money; a time for finding yourself a year older, but not an hour richer; a time for balancing your books and having every item in 'em through a round dozen of months presented dead against you?*»⁶. Время Рождества (*Christmas time*), лишенное внутренней связи с вечностью, десакрализуется, помещается в план обыденного календарного времени, что подчеркивает конструкция тождества — *a round dozen of months* (букв. «круглая дюжина месяцев»). Обмирщение времени позволяет приравнять его к материальной ценности — деньгам («*but not an hour richer*» — букв. «но не на час богаче»).

Контраст между традиционным для Англии XIX в. христианским мировидением и «новой», монетарной картиной мира главного героя раскрывается в диалоге Э. Скруджа со служащим в его конторе Б. Крэтчитом: «*You'll want all day to-morrow, I suppose?*» — said Scrooge. «*If quite convenient, sir*». «*It's not convenient, — said Scrooge, — and it's not fair <...> you don't think me ill-used, when I pay a day's wages for no work*». The clerk observed that *it was only once a year. A poor excuse for picking a man's pocket every twenty-fifth of December!*»⁷ Темпоральная конструкция *only once a year* («только однажды в год»), оттеняющая неповторимость времени праздника Рождества в календарном цикле, заменяется в словах Скруджа обобщающим парафразом *every twenty-fifth of December* («каждое 25 декабря»). Обыденное звучание усиливается намеренной заменой хрононима *Christmas* кореферентной, но не называющей праздник лексемой *tomorrow* («завтра»).

Мерилом естественного природного времени предстают часы городские (*clocks, city clocks*), ср.: «*The city clocks had only just gone three, but*

⁴ «С праздником, дядюшка, и да хранит вас Бог!» [5].

⁵ «Вздор! — проворчал Скрудж. — Чепуха!» [4].

⁶ «Веселье Святки! Ну его, ваше веселье!.. И что такое ваши Святки? Срочное время — платить по векселям; а у вас, пожалуй, и денег-то нет... Да ведь с каждым Святками вы стареете на целый год и припоминаете, что прожили еще двенадцать месяцев без прибыли» [5].

⁷ «Предполагаю, что завтра вы целый день останетесь дома?» — спрашивает Скрудж. «Если это вам удобно, сэр». «Нисколько это мне неудобно, да и вообще с вашей стороны несправедливо <...> вы не сочтете в обиду для меня, что я должен вам заплатить за целый день даром». Приказчик заметил, что это случается только один раз в год. «Плохое оправдание и плохой повод — запускать руку в чужой карман каждое 25 декабря» [5].

it was quite dark already»⁸. Время банкира, делового человека, отмеряют часы карманные (*watch*), ср.: «...there they were... on *Change*, amongst the merchants; who... looked at their *watches*, and trifled thoughtfully with their great gold seals»⁹.

Символом времени праздничного становится колокол старинного собора (*bell*), звон которого оповещает о приближении праздника, ср.: «The ancient tower of a church, whose gruff old bell was always peeping slyly down at Scrooge... struck the hours and quarters in the clouds»¹⁰. Имплицитно свидетельствующий об «инаковости» праздника как времени освященного, святого, звон колокола структурирует хронотоп «Рождественской песни», намечая временные границы каждой из глав (строф) повести. Звуковой символ рождественского богослужения — церковный благовест, знак иного, горнего мира: «...soon the steeples called good people all, to church and chapel»¹¹.

Темпоральное пространство праздника в «Рождественской песни» многомерно: это и прошлое, являемое в череде сцен Рождества минувшего (*Christmas Past*), и настоящее, предстающее во всем многообразии ярких картин торжества (*Christmas Present*).

Видимая, осязаемая реальность праздника в его данности в настоящем воплощается в образе «сияющих в славе» (*radiant in their glory*) фруктовых лавок (*fruiterers*). Ведущим выступает здесь мотив полноты, «изобилия плодов земных», оттеняемый словами со значением объема и величины (ср. *round, pot-bellied baskets* / «круглые, пузатые корзины», *broad-girthed Onions* / «дородные луковицы», *piles of filberts* / «груды орехов»; *great* / «огромный», *fatness of their growth* / «тучность», *opulence* / «полнота»). На синтаксическом уровне красочное разнообразие подчеркивается нанизыванием параллельных бытийных конструкций с вещными словами (*There were...* / букв. «Там были...») и обилием непредикативных форм глагола, преимущественно герундиальных и причастных конструкций (ср. *lolling* / «выкатывались», *tumbling* / «спотыкались», *shining* / «сияли», *winking* / «подмигивали», *entreating and beseeching* / «уговаривали и умоляли»). Одушевленный характер описываемого акцентирует причастность к пространству праздника всего видимого мира, тогда как преобладающие в образах фруктов насыщенно-красный и коричневый оттенки — *ruddy* («ярко-красный»), *brown* / *brown-faced* («коричневый»), *swarthy* («смуглый»), *blooming* («румяные»), *Biffins* («темно-красное яблоко») — становятся цветовыми символами домашнего тепла.

⁸ «Городские часы на колокольне только что пробили три, но становилось уже темно» [4].

⁹ «...и вот они уже очутились... на Бирже, в толпе коммерсантов, которые... поглядывали на часы, и в раздумье перебирали массивные золотые брелоки» [4].

¹⁰ «Старинная церковная колокольня, чей древний осипший колокол целыми днями иронически косился на Скруджа из стрельчатого оконца, совсем скрылась из глаз... и колокол отзванивал часы и четверти где-то в облаках» [4].

¹¹ «...вот заблаговестили на колокольне, призывая всех добрых людей в храм Божий» [4].

Синестезическое воплощение оживленной радости, пронизывающей временное пространство рождественской поры, — это метафорические образы бакалейной лавки (*the Grocers*). Праздничное веселье воспринимается здесь всеми органами чувств: слухом («*scales... made a merry sound*» / «чашки весов... так весело *позванивали*»), зрением («*almonds were so extremely white*» / «миндаль был так ослепительно бел»), вкусом («*spices were so delicious*» / «пряности были так восхитительно вкусны»), обонянием («*scents of tea and coffee were so grateful to the nose*» / «аромат кофе и чая так приятно щекотал ноздри»), осязанием («*the figs were moist and pulpy*» / «инжир был так мясист и сочен»). Нагромождение этих ярких деталей, выдержанное в форме кажущейся бесконечной череды двенадцати параллельных конструкций («*It was not alone that... or that... nor was it that...*» и т.д.) с семикратным повтором усилительного наречия *so* / «так» (*so briskly... so grateful... so plentiful... so extremely white... so long... so delicious... so caked*»), подчеркивает предельную степень эмоциональной насыщенности хронотопа праздника.

47

На источник и причину этого красочного разнообразия указывает парафрастическое сочетание *the hopeful promise of the day* (букв. «вселяющее надежду обетование этого дня»). Слово *the day*, выступающее в темпоральном контексте «Рождественской песни» эллиптическим именем праздника, высвечивает в семантической структуре лексем *promise* («обещание, обетование»), *hopeful* («надеющийся») глубинные аксиологические смыслы, которые восходят к текстам Священного Писания: «*And this is the promise that he hath promised us, even eternal life*» (1 John 2:25)¹²; «*...Lord Jesus Christ, who is our hope*» (1 Timothy 1:1)¹³. Тем самым описание внешней составляющей праздника приобретает вневременной смысл, помещается в перспективу вечности.

Сущностное наполнение хронотопа с особой отчетливостью раскрывается в описании празднования Рождества в доме Б. Крэтчита. Присутствие в темпоральном пространстве иного, вневременного начала подчеркивается повтором устойчивых пожеланий с предельным ценностным содержанием (*Lord bless ye! God bless us!* / «Да благословит вас Бог!»): «*A Merry Christmas to us all, my dears. God bless us!*»¹⁴ Метонимическое определение *contented with the time* (букв. «довольны временем») указывает на онтологическую полноту праздничного времени: «*They were not a handsome family <...> But, they were happy, grateful, pleased with one another, and contented with the time <...> Scrooge had his eye upon them*»¹⁵.

Внешняя, материальная скудость (ср. *ribbons, which are cheap* / «дешевые ленты», *threadbare clothes* / «поношенная одежда», *twice-turned gown* / «дважды перелицованное платье», *a custard-cup without a handle* / «со-

¹² «Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин. 2:25).

¹³ «Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей» (1 Тим. 1:1).

¹⁴ «Веселых Святок, друзья мои! И да благословит нас всех Господь!» [4].

¹⁵ «Конечно, все это было довольно убого и заурядно <...> И тем не менее все здесь были счастливы, довольны друг другом, рады празднику (довольны временем. — М.Н.) и благодарны судьбе <...> и Скрудж не мог оторвать от них глаз» [4].

усник с отбитой ручкой»), немощь младшего ребенка четы Крэтчитов, Крошки Тима, лишённого возможности ходить (*a cripple*), контрастируя с эмоциональным состоянием героев (ср. *high spirits* / «ликование», *murmur of delight* / «восторженный шепот», *beaming looks* / «сияющие лица»), как бы напоминают о предельном уничтожении рожденного в вертепе Богомладенца Христа, Который «ввел в Свою Божественную Личность всю немощь человеческой природы... чтобы победить смерть» [9, с. 192, 194].

Участие в празднике оказывается не просто воспоминанием, но живым сопереживанием событию Рождества, о чем свидетельствуют слова Крошки Тима, сказанные отцу после церковной службы: «...he hoped the people saw him in the church, because he was a cripple, and it might be pleasant to them to remember upon *Christmas Day*, who made lame beggars walk, and blind men see»¹⁶. Восходящие к Евангелию от Матфея (ср.: «*The blind receive their sight, and the lame walk*» (St. Matthew 11:5)¹⁷ слова ребенка сообщают личному переживанию праздника атемпоральный ценностный смысл.

Описание праздника в семье Крэтчитов сменяется картинками Рождества в различных уголках Старой Англии: в хижине горняков, на одиноком маяке и корабле в открытом море. Символически границы праздника расширяются на все пространство «очеловеченного» мира. Темным тонам в характеристике дикой природы (ср. *bleak and desert moor* / «мрачная пустошь», *black and heaving sea* / «черное бушующее море», *darkness* / «мрак») противостоят образы света (*a ray of brightness* / «луч света», *flickering* / «мерцающая», *in a glow* / «сияющая», *specks of light* / «капли света») и огня (*roaring fires* / «пылающие каминные», *blaze* / «пламя»), которые становятся синестезическим воплощением радости. Сочетания с ключевым хрононимом *Christmas* (*Christmas tune* / «рождественская мелодия», *Christmas thought* / «мысль о Рождестве», «*bygone Christmas Day*» / «минувший день Рождества») подчеркивают в едином микроконтексте с определительным местоимением *every* («каждый») всеобщность праздника: «...*Every man among them hummed a Christmas tune, or had a Christmas thought, or spoke below his breath to his companion of some bygone Christmas Day*»¹⁸.

Завершается череда рождественских картин упоминанием иных мест, запечатленных явлением праздника: «*The Spirit stood beside sick beds, and they were cheerful; on foreign lands, and they were close at home; by struggling men, and they were patient in their greater hope; by poverty, and it was rich. In almshouse, hospital, and jail, in misery's every refuge <...> he left his*

¹⁶ «...он вдруг и говорит мне: хорошо, дескать, что его видели в церкви. Ведь он калека, и, верно, людям приятно, глядя на него, вспомнить в первый день Рождества, Кто заставил хромых ходить и слепых сделал зрячими» [4].

¹⁷ «Слепые прозревают и хромы ходят» (Мф. 11:5).

¹⁸ «...и каждый из этих людей либо напевал тихонько рождественскую песню, либо думал о наступивших Святках, либо вполголоса делился с товарищем воспоминаниями о том, как он праздновал Святки когда-то» [4].

blessing»¹⁹. Семантико-синтаксическая структура этих строк восходит к евангельским словам о Страшном Суде: «I was an hungred, *and* ye gave me meat; I was thirsty, *and* ye gave me drink; I was a stranger, *and* ye took me in; Naked, *and* ye clothed me; I was sick, *and* ye visited me; I was in prison, *and* ye came unto me <...> Verily I say unto you, Inasmuch as ye have done it unto one of the least of these my brethren, ye have done it unto me» (St. Matthew 25:34–36, 40)²⁰. Связь с когнитивной матрицей евангельского текста указывает на глубинную сопричастность каждого мгновения праздника вневременному контексту Священной истории.

Чудесное обретение в рождественскую ночь веры, которая «выбирает подлинный мир и противопоставляет его мнимому» [7, с. 47], вводит Э. Скруджа в темпоральное пространство праздника. В тексте это наступление для главного героя иного – праздничного – времени эксплицируется утвердительным наречием-восклицанием *Yes!* («Да!»): «*Yes!* and the bedpost was *his own*. The bed was *his own*, the room was *his own*. Best and happiest of all, the Time before him was *his own*, to make amends in»²¹. Четырехкратный эмфатический повтор притяжательной конструкции *his own* (букв. «его собственное») оттеняет ценностное звучание кульминационной метафоры: «*the Time before him was his own, to make amends in!*» Утвердительная модальность синкретичного глагола *will* подчеркивает необычайно широкую перспективу этого нового времени, в котором сливаются прошлое, настоящее, и будущее: *I will live in the Past, the Present, and the Future!* <...> *Heaven, and the Christmas Time be praised for this!*»²² Категориальная семантика неограниченной бесконечности, свойственная наречию *always* («всегда») и статическому глаголу *to keep* («хранить, соблюдать»), усиливает неизменное, непреходящее аксиологическое содержание времени праздника: «...it was *always* said of him, that *he knew how to keep Christmas well*. May that be truly said of us, and all of us!»²³

¹⁹ «Дух стоял у изголовья больного, и больной ободрялся и веселел; он приближался к скитальцам, тоскующим на чужбине, и им казалось, что отчизна близко; к изнемогающим в житейской борьбе – и они окрылялись новой надеждой; к беднякам – и они обретали в себе богатство. В тюрьмах, больницах и богадельнях, в убогих приютах нищеты... всюду давал он людям свое благословение» [4].

²⁰ «...ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне <...> Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:35–36, 40).

²¹ «Да! И это была колонка его *собственной* кровати, и комната была тоже его *собственная*. А лучше всего и замечательнее всего было то, что и Будущее (букв. *Время*. – М.Н.) принадлежало ему и он мог еще изменить свою судьбу!» [4].

²² «Я искуплю свое Прошлое Настоящим и Будущим! [букв. *Я буду жить в Прошлом, и Настоящем, и Будущем!*] <...> Возблагодарим же Небо и светлый праздник Рождества!» [4].

²³ «...и про него шла молва, что никто не умеет так *читать и справлять* Святки, как он. Ах, если бы и про нас могли сказать то же самое! Про всех нас!» [4].

Итак, праздник становится для главного героя «Рождественской песни» «собственно временем» [3, с. 310–311], в котором «каждый раз особым образом достигается, творится, открывается и утверждается истинное время и истинное настоящее» [6, с. 239].

Исследование аксиологии временных смыслов в «Рождественской песни» Ч. Диккенса свидетельствует о присутствии в хронотопе праздника иного, вневременного начала. «Для христианского сознания вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено» [1, с. 405]. Событие Рождества Христова, совершившееся однажды в историческом времени мира, не ушло в прошлое, но пребывает вечно настоящим [10, с. 160]; оно есть «активная сила, имеющая глубокое преобразующее воздействие на человека и мир в целом» [12, с. 15].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 402–410.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
4. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе / пер. с англ. Т. Озерской. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d12.txt> (дата обращения: 04.09.2013).
5. Диккенс Ч. Скрытая Скруджд. Святочная песня в прозе / пер. с англ. Л. Мея. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_by_lev_mey.shtml (дата обращения: 02.04.2013).
6. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000.
7. Казнина Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
8. Лихущина М. В. Художественное время как выражение темпоральности культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2010.
9. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
10. Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М., 2001.
11. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2004.
12. Осипов А. И. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9-32
13. Слюсаренко М. А. Экзистенциальный смысл праздника: философско-культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004.
14. Финогентов В. Н. Темпоральность бытия (философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1992.
15. Чаплина С. С. Textoобразующая функция категории темпоральности в немецком языке (на материале кратких газетных сообщений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010.
16. Чаплыгина О. В. Структура рождественского текста Чарльза Диккенса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.
17. Шевелева Т. Н. Христианские мотивы в творчестве Чарльза Диккенса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004.

18. *Adaptations* of «A Christmas Carol» // Wikipedia : [сайт]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Adaptations_of_A_Christmas_Carol (дата обращения: 11.09.2013).

19. *Dickens Ch.* «A Christmas Carol» in Prose. URL: <http://www.gutenberg.org/files/19505/19505.txt> (дата обращения: 29.03.2013).

20. *Wendorff R.* Zeit und Kultur. Geschichte des Zeitbewusstes in Europa. Opladen, 1985.

Об авторе

Мария Николаевна Коннова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru

About the author

Dr Maria Konnova, Ass. Prof., I. Kant Federal Baltic University, Kaliningrad.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru